

Древние империи (Новые подходы к изучению древних империй Запада и Востока)

© 1999 г.

К ИНТЕРПРЕТАЦИИ НАДПИСЕЙ АШОКИ. AGABHUTISUSŪSĀ

В знаменитых надписях царя Ашоки содержатся наставления о благочестии – дхарме. Речь идет о послушании родителям, уважении к старшим, милостивом обращении с рабами и слугами и т.п. Среди этих стереотипных и кратких формул, переходящих из одного указа в другой, пожалуй, лишь одно слово до сих пор остается неясным – agabhutisusūśā в XIII Большом наскальном эдикте (БНЭ). Мы воспроизводим его здесь в той форме, в которой оно встречается в серии эдиктов, обнаруженных в Еррагуди¹. Сходный вид (agabhutiśuśuśā) это слово имеет и в серии эдиктов из Калси². У. Шнайдер³ доказывает, что надписи из Калси и Еррагуди имели общий протограф и ближе к оригиналу, вышедшему из царской канцелярии, чем эдикты, найденные в Шахбазгархи и Мансехре. В комплексе надписей из Дхаули и Джаугады XIII БНЭ, как известно, отсутствует; в Гирнаре же не сохранился данный фрагмент.

Понятно, что первая часть сложного слова (aga) воспроизводит среднеиндийское agga (шрифт брахми не передавал двойных согласных). Оно соответствует санскр. agga (в версиях из Шахбазгархи и Мансехры так и написано – agga). Слово это значит «начальный, первый, особый» (ср. например, в VI БНЭ «особым старанием»). Нет никаких трудностей с последним элементом: susūśā, śuśuśā, susuṃśā, suśṛuśā соответствует санскр. śuśrūṣā, т.е. «послушание» (ср. чуть ниже – «послушание отцу с матерью»).

Неясен только средний элемент – bhūti. Предлагается⁴ видеть в нем санскр. bhūti, хотя долгота в тексте не обозначена, а слово agrabhūti в древнеиндийских памятниках не засвидетельствовано. Обычное значение bhūti («благо, преуспевание») кажется в данном контексте неуместным, а потому современными переводчиками игнорируется. Вместо этого выдвигается предположение, будто bhūti (производимое от глагола bhū – «быть, становиться») употребляется вместо причастия прошедшего времени bhūta⁵. В таком случае можно истолковать agrabhūtiśuśrūṣā как «послушание тем, кто является высшим» (D.C. Sircar⁶: obedience to superior personages, A.C. Sen⁷: respectfulness towards superiors, S. Dhammika⁸: respectful to superiors, R. Thapar⁹: obedience

¹ Niklas U. Die Editionen der Aśoka-Inschriften von Eṛṛaguḍi. Bonn, 1990.

² Hultzsch E. Corpus Inscriptionum Indicarum. V. 1. Inscriptions of Aśoka. Delhi, 1991.

³ Schneider U. Die grossen Felsen-Edikte Aśokas. Wiesbaden, 1978. S. 9.

⁴ Bloch J. Les Inscriptions d'Asoka. P., 1950. P. 126; то же Э. Сенар, Г. Бюлер, В. Смит, Р.Г. Бхандаркар, Б.Н. Баруа, А.Ч. Сен, У. Шнайдер, В.В. Вертоградова и др.

⁵ См. например: Mukherjee B.N. Studies in the Aramaic Edicts of Aśoka. Calcutta, 1984. P. 37.

⁶ Sircar D.C. Inscriptions of Aśoka. Delhi, 1967. P. 51.

⁷ Sen A.C. Aśoka's Edicts. Calcutta, 1956. P. 98.

⁸ Dhammika S. The Edicts of Aśoka. Kandy, 1993. P. 15.

⁹ Thapar R. Aśoka and the Decline of the Mauryas. Delhi, 1983. P. 256.

to their superiors, B.M. Barua¹⁰: respectful attention to high personages, A. Woolner¹¹: obedience to elders, V. Smith¹²: hearkening to superiors, D.R. Bhandarkar¹³: hearkening to the elders, J. Bloch¹⁴: l'obeissance aux superieurs, B.B. Вертоградова¹⁵: «покорность высшим»). Итак, мы заменяем в сохранившихся версиях текста «и» на «й» и понимаем bhūti как bhūta исключительно с той целью, чтобы избавиться от непонятного слова. Ведь agga/agra и само по себе может переводиться superior, high, excellent, the best, chief¹⁶ и т.д. Если бы автор XIII БНЭ хотел получить тот смысл, который усматривают переводчики, agasusūśa было бы вполне достаточно (и безусловно лучше неуклюжего agabhūtasusūśa или agabhūtasusūśa!).

Надписи на ххароштхи из северо-западного региона Индии – Шахбазгархи и Мансехра – дают чтение не bhuti, а bhuṭi. Церебрализация может быть объяснена влиянием г или ɣ, а в этом случае санскритским соответствием является, очевидно, bhṛti. Б.М. Баруа¹⁷ возражает на это, указывая, что однокоренное слово bhṛtaka в эдиктах Ашоки представлено как bhaṭaka (IX, XI, XIII БНЭ), а потому и здесь следовало бы ожидать вместо санскр. bhṛti не bhūti, но bhaṭi. Это замечание не кажется убедительным. Известно, что санскритскому ɣ в пракритах могут соответствовать различные гласные. В надписях Ашоки систематически встречается форма vuḍha (например, vuḍhasusūśa – IV БНЭ), соответствующая санскритскому vṛddha, однако, однокоренное слово vṛddhi превращается (там же, во всех версиях) в vaḍhi. По-видимому, важную роль играет ударение (vṛddhá, но vṛddhi). В слове bhṛti оно падает на последний слог, как и в vṛddha.

Гораздо сложнее обстоит дело с возможным значением слова bhṛti в данном контексте. Е. Хульцш¹⁸ предлагает понимать его как «жалование» (bhṛti – Unterhalt, Lohn от bhṛ – «кормить, содержать»). В таком случае буквальный перевод (он и дан Е. Хульцшем) гласит: obedience to those who receive high pay. Под «получающими высокое жалование», очевидно, имеются в виду «высокопоставленные функционеры», но трудно не согласиться с Ж. Блоком¹⁹, что перевод hauts fonctionnaires здесь просто абсурден. Мы бы добавили, что он отражает скорее психологию современного немца, чем древнего индийца.

Так как из четырех сохранившихся версий эдикта две содержат чтение слова с t и две – с ṭ, реконструкция первоначального варианта представляется затруднительной. К.Р. Норман в работах 60-70-х годов²⁰ придерживался мнения, что в оригинале стояло t, но в последнее время²¹ он склоняется к признанию приоритета ṭ. Исследователь полагает, что bhṛti по значению соответствует причастию bhṛta («получающий жалование», то есть «служащий»). Как и agrabhṛti у Е. Хульцша, agrabhṛta означало бы а

¹⁰ Barua B.M. *Inscriptions of Aśoka*. Calcutta, 1946. P. 13.

¹¹ Woolner A. *Aśoka. Text and Glossary*. Delhi, 1993. P. 53.

¹² Smith V. *Aśoka. The Buddhist Emperor of India*. Delhi, 1994. P. 185.

¹³ Bhandarkar D.R. *Aśoka*. Calcutta, 1969. P. 301.

¹⁴ Bloch. *Op. cit.* P. 126.

¹⁵ Хрестоматия по истории древнего Востока. М., 1980. Ч. 2. С. 114.

¹⁶ Pali Text Society's Pali-English Dictionary, s.v. agga; aggaṭā-superiority, cf. Paiaśaddamahāṇavo: agga-pradhān,

śreṣṭh.

¹⁷ Barua. *Op. cit.* P. 151.

¹⁸ Hultzsch. *Op. cit.* P. 47.

¹⁹ Bloch. *Op. cit.* P. 126. Этих Spitzenfunktionäre мы вновь видим у У. Шнайдера (*Op. cit.* S. 157).

²⁰ Norman K.R. *Collected Papers* (далее – CP). V. I. (Notes on the Greek version of Aśoka's Twelfth and Thirteenth Rock Edicts). Oxf., 1991. P. 152–153. Автор говорит: церебральная ṭ является новшеством в северо-западных версиях – возможно, писцы запаматовали, что эквивалентом bhṛti в восточном диалекте являлось бы bhaṭi, а не bhūti.

²¹ Norman. CP. V. VI. (An Aśokan Miscellany). Oxf., 1994. P. 140. Аргументация автора такова: в высшей степени невероятно, что писцы на северо-западе, получив текст, где слово было написано с t, заменили t на церебральную. Поэтому следует думать, что t имелось в присланном им экземпляре – значит в оригинале стояло не bhuti, а bhuṭi (= bhṛti). Norman K.R. *Notes on the Aśokan Rock Edicts* // III. X. P. 166. Cf. CP. V. I. P. 152.

topmost servant-high official. Первоначальный перевод тем же автором варианта *agrabhūti* был: *being at the top, at the head of*, то есть: *authority*. По смыслу, таким образом, различия между двумя вариантами нет (ср. еще у Э. Сенара: *autorités*). У. Шнайдер²², солидаризируясь с К.Р. Норманом, переводит *agrabhūtisusūsa*: *Gehorsam gegen Hochgestellten*, но он честно признается²³, что не понимает, о ком именно идет речь.

Данный фрагмент XIII БНЭ воспроизведен в знаменитой греческой надписи, найденной в Афганистане. Мы можем шаг за шагом сравнить греческий перевод с пракритской версией: *iyaṃ pi su tato gulumatatale devānapriyaṣṣā* (Калси) – «но вот что еще тяжелее для наперсника богов»; здесь греческий перевод вполне точен: *καὶ τοῦτο ἔτι δυσχερέστερον ὑπέλεφε ὁ βασιλεὺς*. «Наперсник богов» несомненно воспринимается как царский титул – ср. характерную замену в VIII БНЭ *devānapriyā* на *lājāne/rājāno*, т.е. «цари» (версии из Дхаули и Гирнара). Далее следует: *ye tatā vaṣaṭi bābhanā va sama[ṇā] va* – «какие живут там брахманы либо шраманы»; и опять близко в греческом: *καὶ ὅσοι ἐκεῖ ὠκουν βραμεναι ἢ σραμεναι*.

Праkritский текст продолжает: *anne vā pāsaṃḍā gihithā vā ye suvihitā*, в греческом же: *ἡ καὶ ἄλλοι τινὲς οἱ περὶ τὴν εὐσέβειαν διατρέβοντες*. Во всех современных изданиях принято читать *yesu vihitā*. Однако то, что слог *su* принадлежит *suvihitā*, а вовсе не *yesu*, теперь не должно вызывать никаких сомнений. Достаточно обратиться к версии Еппагуди, где совсем нет знака *ye*: *gihathā va suvihitā*. Встречающаяся в изданиях (Д.Ч. Сиркар, У. Шнайдер) реконструкция *[ye]su* – не более чем дань привычной интерпретации фразы²⁴. Исправление пракритского текста *ye suvihitā* давно предлагал К.Р. Норман²⁵. Он аргументировал тем, что чуть ниже автор эдикта вновь употребляет слово *suvihita*: *yeṣaṃ vā pi suvihitānam*. Английский исследователь не получил поддержки²⁶, потому что следующее за *suvihitā* слово *eṣa* он трактовал как *Gen.Pl.* от *yaḍ* (т.е. исправляя его на *[ye]ṣa[m]*). Действительно, отсутствие «у» во всех версиях XIII БНЭ не позволяет интерпретировать это слово как форму относительного местоимения *yaḍ*. Однако, на наш взгляд, в подобном исправлении нет необходимости. Вопреки К.Р. Норману, *teṣaṃ* в конце фразы соотносится не с реконструируемым им *yeṣaṃ*, а с *ye/e*, надежно засвидетельствованным в ее начале. Общая конструкция предложения выглядит следующим образом (К): *ye tatā vaṣaṭi...teṣaṃ tatā hoti upaghāte vā vadhe vā* – «какие там живут/жили... тех там постигают/постигли или страдание, или гибель» (греч. *ὅσοι ἐκεῖ ὠκουν... τοῦτων ἐκεῖ... ἔλ τις τέθνηκεν ἢ ἐξῆκται*). Ср. ниже: *yeṣaṃ vā pi suvihitānam... tatā ṣe pi tānam eva upaghāte hoti* – «и у каких благочестивых [родичи умирают], для них это тоже страдание».

Грек оставляет без перевода *gihitha/grhasṭha* – «домохозяева». Попытка Э. Бенвениста²⁷ усмотреть «домохозяев» в *τοὺς ἐκεῖ ὠκοῦντας* не встретила поддержки. Прав К.Р. Норман²⁸, полагающий, что мы имеем дело с повторением прежде сказанного: *ὅσοι ἐκεῖ ὠκουν* (*ye tatā vaṣaṭi*). Этот повтор понадобился из-за изменения конструкции фразы, введения *ἔδει*, требующего объекта в винительном падеже. Для пропуска слова *gihitha*, на наш взгляд, были веские основания. Дело в том, что при чтении пракритского текста возникает некоторое недоумение относительно *pāsaṃḍā gihithā vā*. Чуть ниже, уже после того как обрывается греческий текст, сказано: *nathi cā ṣe janapade yatā nathi ime nikāyā ānatā yoneṣu baṃhmane cā ṣamane cā nathi cā kuvāpi janapadaṣi yatā nathi manuṣānam ekatalaṣi pi pāṣaḍaṣi no nāma paṣāde*²⁹ – «И нет такой

²² *Schneider*. Op. cit. S. 117.

²³ *Ibid*. S. 141.

²⁴ Никлас (*Niklas*). Op. cit. S. 127) говорит: *erwartetes ye fehlt*, но его и «ожидать» не следует.

²⁵ *Norman*. Notes on the Aśoka Rock Edicts. P. 166; cf. CP. V. I. P. 152.

²⁶ *Schneider*. Op. cit. S. 141.

²⁷ *Benveniste E.* Edits d'Aśoka en traduction grecque // JA. 1964. 252. P. 153.

²⁸ CP. I. P. 151.

²⁹ Отметим типичное для индийских литературных текстов обыгрывание созвучия *pāṣaḍa/pāsaṃḍa* и *pasāda/prasāda* («склонность, принадлежность, вера»), ср. *Christol A.* Les Edits Grecs d'Aśoka: Etude linguistique // JA. 1983. P. 27.

земли, кроме греков, где не было бы этих разрядов [брахманов и шраманов]; и ни в какой земле нет места, где люди не принадлежали бы к той или иной конфессии». Но если все люди принадлежат к какой-либо *rāṣaṃḍā*, невозможно *rāṣaṃḍā* противопоставить *grhasthā*, разделив их союзом *vā*: «люди, принадлежащие вероучению, или домохозяева». Чувствуя, что здесь не все в порядке, переводчики иногда опускают это *vā*, рассматривая *rāṣaṃḍā* как определение к *gihithā* (householders of different religions).

На самом деле, очевидно, имелось в виду то же самое, что сказано в начале XII БНЭ: *śāvarāṣaṃḍāni pavajitāni gahathāni vā* – «представители всех вероучений – [будь то] отшельники или домохозяева» (таким образом, домохозяева противопоставлены отшельникам, а не *rāṣaṃḍā*). Гирнарский писец запутывает смысл и этой фразы, рассматривая приведенные выше слова как однородные: *savarāṣaṃḍāni ca pavajitāni ca gharastāni ca* – получается, что *rāṣaṃḍā* не включает в себя ни отшельников, ни домохозяев. Сходный контекст имеется в VII колонном эдикте: *pavajitānaṃ seva gihithānaṃ ca savarāṣaṃḍesu pi ca*, но здесь различие в падежах подсказывает перевод: «и к отшельникам, и к домохозяевам и [так] среди всех конфессий». А далее понятие *rāṣaṃḍā* раскрывается: «в [буддийской] сангхе, так же, как среди брахманов и адживиков, и среди ниргрантхов – среди разных конфессий (*pāṇārāṣaṃḍesu*)». Автор эдиктов во всяком случае не хотел противопоставления «домохозяев» и *rāṣaṃḍā*, а потому греческий переводчик совершенно верно передал смысл, вовсе опустив *grhastha* и дав неопределенное *καὶ ἄλλοι τινές*.

Rāṣaṃḍā он передает как *οἱ περὶ τὴν εὐσέβειαν διατρίβοντες*. Это кажется очевидным, так как в начале XII БНЭ *savarāṣaṃḍāni* переведено: *κατὰ πάσας τὰς διατρίβας* – «во всех вероучениях». *Εὐσέβεια* обычно соответствует *dhamma/dharma* («благочестие или богопочитание»), а последнее тесно связано с *rāṣaṃḍā* – «вероучением, конфессией», см. в XII БНЭ: *atarāṣaṃḍavaḍḍhi cā hoti dhammaṣa cā dīpaṇa* – «процветание собственного вероучения и воссияние дхармы».

Таким образом греческий переводчик близко следует оригиналу – присланному из столицы тексту царского указа. Откуда, однако, появляется должествование: *ἔδει*? Оно, на наш взгляд, связано со следующим далее пассажем относительно почитания родителей и с перечнем норм дхармы. В пракритском же тексте этот фрагмент вводится словом *vihita*. *Vihita* указывает на исполнение *vidhi* – «правил, религиозных наставлений». Практическое *suvihita* (санскр. *suvihita*) *Paiaśaddamahāṇḍavo* переводит на хинди как *sadācāri*. К.Р. Норман³⁰ дает английское соответствие: *carrying out vidhi well*. Мы бы, скорее, предложили вариант: «исполняющий верные правила» (ср. там же *suvihita-sundar anuṣṭhān*, т.е. «благие наставления»).

Чуть ниже в разбираемом XIII БНЭ говорится о том, что если даже не сам *suvihita* гибнет, а его близкие, любимые друзья и сородичи, для него это тоже страдание (*yeṣaṃ vā pi suvihitānaṃ śinehe avipahine e tānaṃ mitasaṃthutaśahāyaṇātikiya viyaṣaṇaṃ rapunāti tatā ṣe pi tānaṃ evā upaghāte hoti*). Весьма распространено истолкование слова *suvihita* в данном контексте как «обеспеченный» или «спасшийся, избежавший [сам подобного] несчастья». Е. Хульцш переводит: «although they are [themselves] well provided for», У. Шнайдер: «von solchen, die gut versorgt sind», Г. Бюлер: «welche selbst wohl aufgehoben sind», Ж. Блок: «les chanceux» (французский исследователь признается, что переводит, исходя лишь из своего понимания контекста. Буквальное значение, по его мнению, «bien pourvu»), С. Дхаммика: «who are not affected (by all this)», Р. Тхапар: «who are fortunate to have escaped» и т.д. Однако, учитывая, что для *suvihita*, встречающегося в предшествующей строке, подобное значение совершенно не подходит, маловероятно оно и здесь.

Речь идет отнюдь не о благополучии этих людей, а об их благочестии. Греческий перевод не оставляет в том никаких сомнений: *τοῦτων ἐκεῖ τῶν τοιαῦτα διαπρασσόνων* – «тех, кто исполняет все это» – имеются в виду только что изло-

³⁰ СР. V. I. P. 152.

Рис. 1. Похищение Европы. Известняк. V в. Каир, Коптский музей

Рис. 2. Известняк. V в. Местонахождение неизвестно

Рис. 5. Ткань. VII–VIII вв. Афины, Музей прикладных искусств

Рис. 6. Ткань. VII–VIII вв. Афины, Музей прикладных искусств

Рис. 7. Ткань. VII–VIII вв. Милан, Собрание Кастелло Сфорцеско

Рис. 8. Ткань. VI в. Вашингтон, Собрание Думбартон Окс

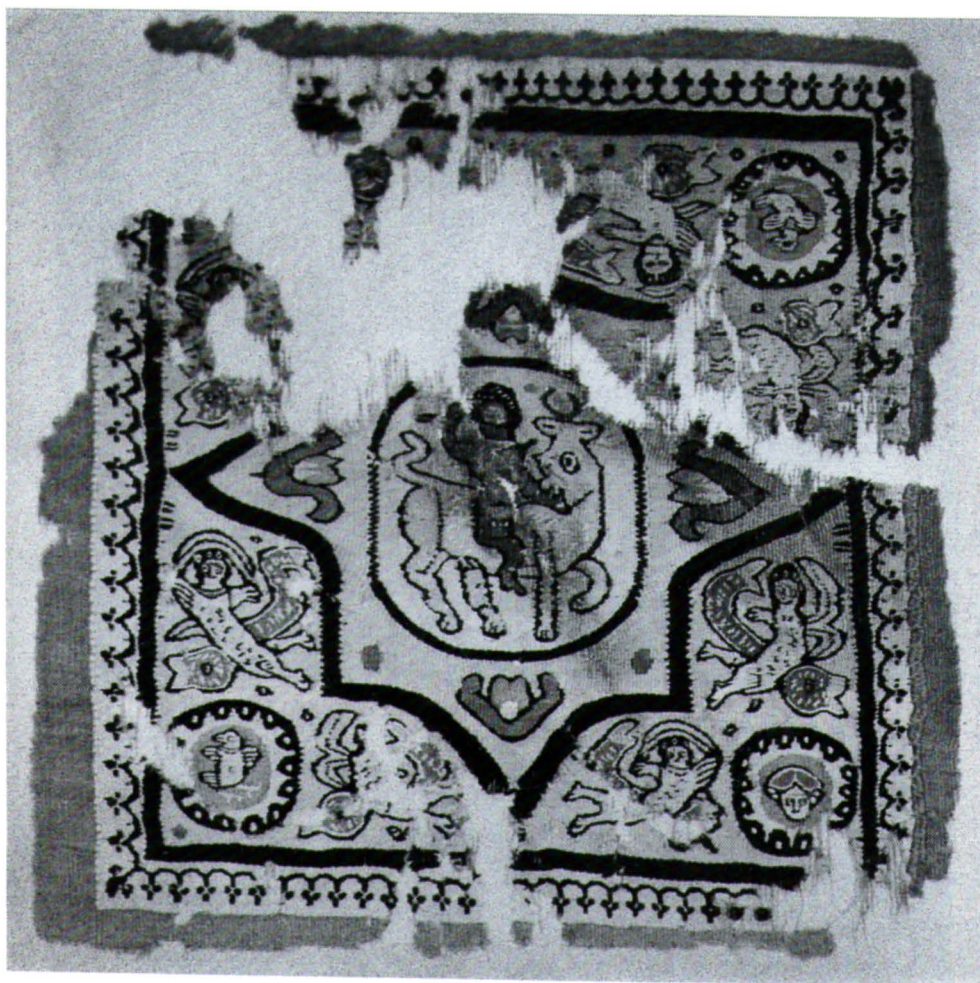

Рис. 9. Ткань. VIII–IX вв. Нью-Йорк, Бруклинский музей

женные правила дхармы. Еще до открытия греческой надписи Б.М. Баруа, ссылаясь на употребление *suviḥita* в надписи Кхаравелы из Хатхигумпхи, а также в «Тхеригатхе», толковал слово так: *those who are well controlled, well established in the Law of Piety or Duty*. Эта интерпретация представляется верной (ср. также у А.Ч. Сена: *who are [themselves] of good conduct*). *Suviḥitā* в том и в другом случае означает «исполняющие благие предписания» (*suvidhi*), т.е. дхарму. В надписях Ашоки это слово встречается еще один раз – в I Особом наскальном эдикте (ОНЭ). На наш взгляд, оно и там (несмотря на традиционный перевод Л. Альсдорфа³¹: *wohlversorgt*) значит то же самое: «Смотрите же и вы: исполняете ли дхарму?» (*dekhatā/dakkhathā hi tūphē: suviḥitā pi?*). Эту идею долженствования (*vidhi*) и передает греческий переводчик посредством ἔδει.

Перечень норм, начинающийся со слов *agabhutiṣuṣṣā mātāpitiṣuṣṣā galuṣuṣṣā*, является стереотипным раскрытием понятия «дхарма» (ср. в III БНЭ, IV БНЭ, VII БНЭ, IX БНЭ, XI БНЭ). Это заставляет нас в *esa* (Еррагуди: *esa*), предваряющем данный перечень, усматривать указательное местоимение, соответствующее санскритскому *etaḥ* – «это». Мы встречаем его чуть ниже в том же самом XIII БНЭ: варианты Калси и Мансехра – *eṣa... gulumate*, Еррагуди – *esa... gulumate*, Шахбазгархи – *etaḥ... gurumatam* «это – тяжело», ср. в IV БНЭ *esa/eṣe/etaḥ dhammacaraṇe*. Таким образом конструкцию всей фразы мы представляем так: «И вот что еще тяжелее для наперсника богов [=царя]: какие живут [=жили] там брахманы или шраманы или придерживающиеся других вероучений [или домохозяева], которые преданы дхарме (*suviḥita*) – [а] это [означает=а для этого подобает]: *agabhutiṣuṣṣā*, послушание отцу с матерью, послушание учителю, должное отношение к друзьям [и т.д.], постигает их [=постигло во время Калингской войны] либо страдание, либо гибель».

Формулы самих предписаний о дхарме более или менее точно воспроизведены в греческом переводе: *mātāpitiṣuṣṣā galuṣuṣṣā* – «послушание матери и отцу, послушание учителю», ср.: *καὶ διδάσκαλον καὶ πατέρα καὶ μητέρα ἐπαίσχυνεσθαι καὶ θαυμάζειν; mitaṣaṃihutasahāyanāitikesu dāśabhaṭakaṣi samyāratipati dīdhabhatitā* – «должное отношение и верность друзьям, близким, сотоварищам, родичам, к рабу и слуге», ср.: *φίλους καὶ ἐταίρους ἀγαπᾶν καὶ μὴ διαψεύδεσθαι δούλοις καὶ μισθωτοῖς ὡς κοῦφότητά χράσθαι*.

Попутно отметим, что греческое *φίλους καὶ ἐταίρους ἀγαπᾶν καὶ μὴ διαψεύδεσθαι* – «любить и не обманывать друзей и товарищей» не оставляет сомнений в том, что *dīdhabhatitā* вовсе не относится к вере («преданность вероучению» в переводе В.В. Вертоградовой, *fermete dans la foi* у Ж. Блока и т.д.), хотя *bhakti*, конечно, может означать «преданность (богу)». *Dīdhabhatitā kitanātā* в VII БНЭ также указывает на общие добродетели – «верность и благодарность», и в таком качестве последние фигурируют в эпосе и в шастрах. См. «Махабхарата» XII. 67. 38: *kṛtajño dṛdhabhaktiḥ syāt*, ср. XII. 68. 56–57. В «Артхашастре» дается пояснение (I. 9. 1–3): *mitratām dṛdhabhaktitvaṃ sa samvuvahārāt ...raṅkṣeta* «дружбу и верность можно узнать из общения», речь безусловно не идет о «преданности вероучению». Еще яснее в «Агнипуране» 225.29 «верный как конь» (*dṛdhabhaktistathāśvavat*), ср. «Нитисара» IV. 6–7 и IV. 36, КА VI. 1–3: *kṛtajñāḥ... dṛdhabuddhir* (рукописный вариант: *dṛdhabhaktir*) и «Аджнавалкья» I. 309 с вариантами из комментария Вишварупы (*dṛdhabhaktir*).

В пракритском тексте на первом месте стоит еще то самое загадочное *agabhutiṣuṣṣā*, в греческом же перечень начинается со слов: *tā tou βασιλέως συμφέροντα νοεῖν*. Э. Бенвенист³², переводя последнее как *avoir dans l'esprit les intérêts du roi*, предполагал, что оно может соответствовать *agabhutiṣuṣṣā*. Напротив, Б.Н. Мукерджи³³ отказывается видеть здесь какое-либо сходство, утверждая, что грек оставил *agabhutiṣuṣṣā* без перевода. На такой точке зрения стоит и К.Р. Нор-

³¹ *Alsdorf L. Aśokas Separatedikte von Dhauhi und Jaugada. Wiesbaden, 1962. S. 37.*

³² *Benveniste. Op. cit. P. 153 f.*

³³ *Mukherjee. Op. cit. P. 37.*

ман³⁴, уверенный в том, что *susūsā* всегда должно переводиться только как *θαυμάζειν*, но не как *νοεῖν*. Исследователь стремится доказать, что грек передал через *considering the king's interests* пракритское *suvihita*. Нам эта идея кажется весьма сомнительной, поскольку *suvihita* в обоих уже разобранных случаях относится ко всему комплексу предписаний (*vidhi*) о дхарме, но не содержит в себе какое-либо дополнительное наставление. Достаточно в перевод второго фрагмента XIII БНЭ, где встречается *suvihitā*, поставить предлагаемое английским индологом значение («и у тех, которые имеют в виду интересы царя, умирают любимые родичи и друзья»), чтобы убедиться в его несоответствии контексту.

Несомненно, греческий переводчик старался точно воспроизвести букву и дух царского указа. Утверждение К.Р. Нормана и Б.Н. Мукерджи, будто в греческой версии нет эквивалента для *agabhūtisusūsā*, нам не кажется справедливым. В таком случае пришлось бы признать, что грек не только опускает фрагменты эдикта, но еще и сочиняет что-то от имени царя. Обратим внимание на то, что *śuśrūṣā* означает, собственно, «желание слушать» (см. «Нитивакьямрита» IV. 43: *śrotum icchā śuśrūṣā*), т.е. не только повиноваться, но и «знать, понимать» – см. в XII БНЭ: *dharmam śuneyu cā śuśrūṣeyu cā ti... savarāṣaṃdā bahusutā cā... huveyu ti* – «пусть дхарму слушают и повинуются – и люди всех конфессий будут много знать – *sutā-śrutā*». Во-вторых, *aga/agra* – «первый, главный» вполне могло быть интерпретировано как «царь» (в особенности, греком, в родном языке которого *ἀρχή* соответствует и «началу» и «властям»). И наконец, главное, τὰ συμφέροντα (*симфэрон* – *confer a benefit*, Liddel–Scott, Greek–English Lexicon) совершенно совпадает по значению с *bhūti* (well-being, prosperity – Monier-Williams, Sanskrit–English Dictionary). Уже по этой причине следует отвергнуть недавнюю гипотезу³⁵ о переводе интересующего нас словосочетания как «*gli utili precetti del re*» – *bhūti* нельзя истолковать как «полезные наставления».

Сама идея о покорности царю в контексте исполнения дхармы не является совершенно чуждой сознанию древних индийцев. В качестве примера можно привести фрагмент из «Махабхараты» XII. 65. 17, в котором сказано: *mātāpitror hi kartavyā śuśrūṣā... ācāryaguruśuśrūṣā tathaiivāśramavāsinām bhūpālānām ca śuśrūṣā kartavyā... dharmo vidhiyate* – «Должно оказываться повиновение отцу с матерью... повиновение учителям и наставникам, а также живущим в обителях [отшельникам]... повиновение владыкам земли... – такая предписана дхарма».

Очевидно, что греческий переводчик видел перед собою царское послание, где стояло *bhūti* (но не *bhūti*, как в эдиктах из Шахбазгархи и Мансехры). Возможно, написано оно было шрифтом кхароштки, в котором не передаются долгие гласные (на ближайших к Афганистану территориях использовался именно кхароштки). Во всяком случае, писец считал себя вправе, читая, расставлять долготы по собственному усмотрению. Он понял *bhūti* как *bhūti* (так же, как большинство современных переводчиков), но, в отличие от них, истолковал слово в его обычном значении («благо, благополучие»). Грек дал, таким образом, свою интерпретацию полученного из Паталипутры текста. Но соглашаться или не соглашаться с ним – наше дело.

То же самое можно утверждать и в отношении версий из Шахбазгархи и Мансехры (возможно, восходящих к одной и той же копии эдикта – субрецензии, как ее называет К.Р. Норман). Мы неоднократно встречаемся с такой ситуацией, когда в местных версиях из Калси, Дхаули или Джаугады пишется зубной согласный, а в Шахбазгархи или Мансехре – церебральный. Поэтому вполне вероятно, что писец получал из столицы копию, в которой стояло (как в IV БНЭ и IX БНЭ) *vadhi* или *athāye*. Он лишь догадывался, что эти слова соответствуют санскритским *vṛddhi*, *arthāya* и восстанавливал церебральные (под влиянием исчезнувшего *ṛ* или *ṛ*): *vadhi*, *athāye*. Напротив, писец гириарской версии эдиктов, санскритизируя присланный образец, нередко, напротив, избавлялся от церебральных, заменяя их зубными (например, в I БНЭ:

³⁴ CP. V. I. P. 151 f.

³⁵ Gallavotti C. I testi greci di Piodasse in Afganistan // Rivista degli Studi Orientali. 1992. 66. P. 46.

kaṭaviye/kaṭavo во всех версиях, кроме Гирнара – в последнем же kaṭaviyo). При этом возникала возможность различных интерпретаций полученного указа. Так в VI БНЭ мы видим в версии Калси форму anathesu. Калингский писец в Дхаули добавляет знак долготы – anāthesu, понимая слово как Loc. Pl. от anātha – «сирота»³⁶. Писец из Шахбазгархи воспринимает его по-другому – anaṭhesu (Loc. Pl. от anatha, т.е. санскр. anartha – «бедняк, несчастный»). В данном контексте VI БНЭ обе интерпретации кажутся уместными и выбор сложен – как для древних читателей, так и для нас.

К.Р. Норман полагает, что все переводы эдиктов Ашоки осуществлялись в царской канцелярии в Паталипутре. Однако случаи ошибочной интерпретации текста заставляют думать, что переводчики не имели возможности для консультаций, а следовательно, выполняли свою работу не в царской канцелярии, а на месте, вдали от столицы. Мы часто можем понять побудительные мотивы того или иного писца, но вовсе не обязаны рабски следовать за ним.

Есть возможность предложить совершенно новое понимание слова agabhuti. Как известно, на письме брахми двойные согласные не передавались (ср. aga-agga), а потому написание bhuti может соответствовать среднеиндийскому bhutti. Последнее допустимо истолковывать как санскритское bhukti от корня bhuj (так же, как чуть ниже bhati передает bhatti, восходящее к санскр. bhakti). Правда, сочетание agrabhukti точно так же не засвидетельствовано словарями, как предлагавшиеся ранее agrabhūti, agrabhṛti или agrabhṛta, но – в отличие от них – достаточно часто встречается близкая форма agrabhuj (ср. синонимы типа agraja и agrajāti, ūrdhvaga и ūrdhvagati и т.д.).

В «Махабхарате», например, говорится (XIII. 35.1): janmanaiva mahābhāgo brāhmaṇo nāma jāyate namasyaḥ sarvabhūtānām atithiḥ prasṛtāgrabhuk – «Брахман рождается великим по самому рождению, для всех существ он – почитаемый гость, поедающий первое приношение». И ниже (XIII. 62. 22): «Брахман для всех живых существ – это гость, поедающий первое приношение». В таком значении термин встречается уже в ведийской литературе (Taitt. Ar. X. 13.9). Та же идея в тех же самых словах выражается и в позднейших текстах, к примеру, в «Нарадия-Манусамхите» (XVIII.34): agram navebhyaḥ sasyebhyaḥ – «первины от нового урожая» [должны даваться брахману]. В словарях мы находим синонимичные варианты от тех же корней: agrabhogin, agrabhogya³⁷ и т.д. (ср. agrahāra – то, что получает брахман от царя; согласно комментарию Нилакантхи: agram brāhmaṇabhojanam, – «агра – это угощение для брахмана»)³⁸.

Значение всех этих разновидностей термина вполне прозрачно: речь идет о брахмане, которому положена первая порция еды, как гостю, первины от нового урожая, первое угощение при жертвоприношении и т.п. Брахманов-гостей кормят вместе с богами и предками («Ману-смити» III. 117; КА I. 3. 9), лишь затем питается сам домохозяин, который именуется поэтому термином śeṣabhuj («поедающий оставшееся») – в отличие от agrabhuj («кого кормят первым»). Среди почитаемых персон, которые упоминаются в этом контексте, наряду с гостями-брахманами мы видим также странника (bhikṣu), просящего подаяние (Ману III.94). Комментируя это место, Медхатитхи говорит, что prasṛti (ср. prasṛta в указанных выше текстах из «Махабхараты») – не что иное как «подавание» (uktam hi prasṛtir bhikṣā).

Между теми, кто дает, и теми, кто получает подаяние, устанавливаются отношения учителя и ученика, а само подаяние приравнивается к подношению – дакшине (Ману III.95). Таким образом, agrabhuj/agrabhukti действительно является superior или

³⁶ Нам представляется эта интерпретация верной. Во всяком случае, anātha (букв. «лишенный опекуна») очень часто встречается в эпосе и в шастрах именно в данном контексте. См., например, цитату из Катьяны в «Раджадхармакауштубхе» (84): «царь – опекун тех, кто не имеет другого опекуна»; «Агни-пурана» 225.25: kṛpānāthavṛddhānām vidhāvānām sa yoṣitām – царь должен заботиться об anātha, стариках, вдовах и бедняках; КА II. 1. 26; Чанакья-санграха I. 82: anāthānām daridrānām bālavṛddhatapasvinām. Слова kṛpā и daridra в подобном контакте также встречаются – но не anartha.

³⁷ Schmidt R. Nachträge zum Sanskrit-Wörterbuch in kürzerer Fassung von Otto Böhtlingk. Delhi, 1991. s.v.

³⁸ Böhtlingk O., Roth R. Sanskrit-Wörterbuch. s.v.

high personage, не будучи при этом ни *topmost servant*, ни *high official*. Когда-то Г. Бюлер³⁹ высказывал предположение, что *agrabhuti* (по его мнению, = *agrabhūta*) тождественно с *agrajanman* («первый по рождению», т.е. брахман). Отказываясь признать этимологию, указанную знаменитым эпиграфистом, мы близки к нему в оценке самого содержания термина.

Возможно, и писцы версий из Мансехры и Шахбазгархи в своей интерпретации не так сильно отличались от Калси и Еррагуди, как кажется на первый взгляд. *Bhūti/bhrti*, производное от глагола «*bhṛ*»: *ernähren*, так же близко к *bhuti/bhukti*, как *bhagara* и *bhojana* (то и другое может означать «содержание, пища»).

Совершенно невозможно анализировать термин вне общего контекста предписаний о дхарме. Именно их стереотипность дает основания для восстановления и истолкования темных мест. Воспроизводимый Ашокой перечень норм имеет достаточно устойчивую структуру, определяемую социальным положением лиц, о которых идет речь. Прежде всего говорится о том, как следует себя вести с высшими, затем с равными и, наконец, с низшими. К первым относятся брахманы и шраманы, отец и мать, учитель и старшие (с некоторыми лексическими вариантами, указывающими на различные оттенки интерпретации: *vuṣṭha*, *thaira*, *vaṇamahālakka*, последнее – только старший по возрасту, первые два могут указывать на иные достоинства – старшинство по знаниям, знатности, значимости). Ко вторым причисляются *mitasamphutasahāyañāti* – «друзья, знакомцы, приятели, родичи». Наконец, низшую категорию составляют *dāsabhāṭaka* – «рабы и слуги» или *anātha/karaṇa* – «сироты» и «бедняки», все вообще живые существа (*pāpa*, *jīva*), вплоть до птиц, рыб и пресмыкающихся. Колонный эдикт V красноречиво свидетельствует о том, что автор не проводил слишком резкой грани между двуногими и прочими одушевленными тварями: он на всех равным образом распространял свое милосердие.

Следует подчеркнуть, что выделение указанных разрядов диктуется отнюдь не нашими субъективными оценками. Об этом могут свидетельствовать параллельные тексты, например, буддийская «Сигаловадасутта». Сюжет названной части «Дигхникаи» таков: юный домохозяин по имени Сигала (или Сингала) ревностно выполнял ведийские ритуалы. Он вставал на заре и, совершив омовение, поклонялся всем сторонам света. Спрошенный однажды Буддой о том, почему он это делает, Сигала ответил, что так научил его покойный отец. И Благословенный объявил своему слушателю, что, согласно его учению, тоже надлежит почитать стороны света. Однако «стороны» эти – совершенно иные. Он пояснил, что Восток, который следует почитать – не что иное, как отец с матерью, Юг – учителя, Запад – домохозяи. Север – друзья и близкие, Внизу находятся слуги и рабы, а Вверху – брахманы и религиозные наставники. Вот какие «стороны света» надлежит почитать! Эта сутра известна, как «наставление мирянам» (*gihivinaya*). Такого же рода наставлением являются и эдикты Ашоки – не просто перечень всевозможных правил морали, а изложение четкой социальной ориентации для мирянина.

Среди предписаний о дхарме в надписях Ашоки есть списки, очевидно, не претендующие на полноту. В IX БНЭ нормы дхармы приводятся лишь для примера и сопровождаются словами «это и другое подобного рода». Иногда же, напротив, к основному перечню добавляются указания на те или иные достоинства или моральные заслуги (как в III БНЭ в конце появляются *aravayaṭa arabhāḍata* – «мало тратить и малым владеть»). Но, как справедливо указывал еще Б.М. Баруа⁴⁰, нигде, кроме XIII БНЭ, не пропущено главное – почитание брахманов и шраманов. Наше предшествующее изложение и призвано показать, что этот пропуск – мнимый. Именно их автор имеет в виду под *agrabhuti/agrabhukti-agrabhuj*. Возможно, причина этой замены – чисто стилистическая. Ведь в начале фразы уже говорится о брахманах и шраманах.

³⁹ Bühler G. Nachträge zur Erklärung der Aśoka-Inschriften // ZDMG, 1883. 37. S. 592 f. Критикуя Э. Сенара за предложенный перевод «die hohe Obrigkeit», Г. Бюлер заметил: «scheint mir zu europäisch».

⁴⁰ Barua. Op. cit. P. 151.

Повтор: «где живут брахманы и шраманы, а также те домохозяева, которые почитают брахманов и шраманов» сделал бы фразу довольно неуклюжей. Поэтому используется более изысканный оборот: «где живут брахманы и шраманы и те домохозяева, которые почитают высших» (букв. «тех, кого надлежит угощать в первую очередь», т.е. брахманов и шраманов). Выбор необычной формы *agrabhukṭi* вместо *agrabhuj* мог диктоваться тем, что сочетание последнего с *susūṣā* просто непроизносимо.

Итак, затянувшийся разбор загадочного выражения *agrabhutisusūṣā* приводит к разочаровывающему результату. Оказывается, что здесь не скрывается какой-либо оригинальной информации (скажем, о религиозном долге уважать всех тех, «у кого большая зарплата», по Е. Хульцшу, или «высокопоставленных функционеров», по У. Шнайдеру). На самом деле, это всего лишь повторение того, о чем говорится и в других эдиктах: царь-буддист призывает своих подданных особо почитать брахманов.

На этом можно было бы и закончить анализ слова, вынесенного в заголовок статьи. Однако его этимология провоцирует на постановку самых общих проблем интерпретации знаменитых эдиктов.

Буквальный смысл *agrabhuj/agrabhuti* – «тот, кому дают первую порцию угощения». Это подводит нас к теме «кормления» (*bhojana*) и приема гостя – важнейшей «дхарме домохозяина» *grasthadharma* (ср. выше буддийское *gihivāya*). Согласно «Ману» (III. 116), благочестивые хозяева дома едят сами лишь после того, как накормлены *vipra*, *sva* и *bhṛtya* (*bhuktavatsvatha vipreṣu sveṣu bhṛtyeṣu caiva hi bhuñjīyātām tataḥ paścād avasiṣṭam tu dāpati*). *Vipra* – это «жрец», обычное название брахманов, *bhṛtya* – общее обозначение рабов и слуг. Под *sva* – «своими», очевидно, имеются в виду домочадцы («Ману» IV. 179) – родственники по отцу и по матери, а также родичи жены. Сюда могут быть включены и «друзья» (*mītra*, см. в «Махабхарате» XII. 66. 7: *jñātisaṃbandhamitrāṇi*) – вплоть до соседей, все те, с кем возможно социальное общение, совместная трапеза, брачные связи. Это – тот же самый широкий и довольно неопределенный (для постороннего взгляда) круг лиц, который указан Ашокой: *mītasamthutasahāyañātikā*. Было бы бесплодным педантизмом пытаться точно и однозначно определить значение каждого из элементов сложного слова: чем «друг» (*mīta/mītra*) отличается от «товарища» (*sahāya*), о каких именно «знакомцах» (*samthuta/samśluta*) идет речь и т.д. Они имеют смысл как нечто целое, как совокупность «родных и близких», «лиц своего круга», короче – *sva*. Медхатитхи, комментируя приведенную выше шлоку Ману III.116, говорит, что – это «каста и тому подобное». В палийском каноне встречаются бесчисленные *ñātikula*, *ñātisāhita*, *ñātimitta*, *mīttāmaṣa* и т.д. Н.Н. Вагле⁴¹ полагает, что некоторые из этих словосочетаний соответствуют касте или подкасте.

Именно в таком, привычном для индийца, идейном контексте воспринимались все наставления маурийского царя о «должном отношении» к брахманам (которым выделялась первая порция еды – *agra*), к «сородичам и друзьям», к рабам и слугам. О последних еще в дхармасутре Апастамбы (II. 9.11) говорилось, что домохозяин может сам голодать, но он не должен мучить голодом своих *dāśakarmakara* («рабов и работников»). Этикет «кормления» отражал основные нормы социальных отношений.

При чтении надписей – именно основного ядра «предписаний о дхарме» – бросается в глаза традиционность их содержания. Дхарма, провозглашаемая царем, отнюдь не является каким-то нововведением, напротив, это «вечный порядок» (*śasvata samaya* в I и II ОНЭ) или «древнее правило» (*purāṇa rakṣi* в Малом наскальном эдикте), очевидный аналог выражения *śanātana dharmā* в шастрах. Проповедуется, по преимуществу, то, что вполне очевидно и не может быть оспорено: отца с матерью почитать, старших слушать, родных любить, друзей не предавать, слабых не обижать. Аналогичные пассажи нетрудно обнаружить и в санскритских текстах, например, в «Махабхарате» (XII. 65. 17–19): *mātāpitṛor hi kartavyā śuśrūṣā... ācāryaguruśuśrūṣā... dānāni ca... dvijeṣu... bharaṇam putradārāṇam* – «Надлежит слушать отца с матерью... учителей и настав-

⁴¹ Wagle N.N. Society at the Time of Buddha. N.Y., 1967. P. 108.

ников... раздавать дары брахманам... кормить жен и детей» или (там же II. 5. 90): *kaccin jñātin gurūn vṛddhān... brāhmaṇāṇśca namasyasi* – «почитаешь ли ты родичей, наставников, старших... и брахманов?». Зачастую Ашоке нет необходимости даже формулировать, каким, собственно, должно быть поведение – это и так известно – просто *saṃyācārati*, т.е. «как положено». Сами нормы общеприняты – и это сознательно подчеркивается царем.

Конечно, мы можем обнаружить различия между дхаммой Ашоки и дхармой, о которой говорится в брахманских шастрах. Ведь «Ману» не дает никаких рекомендаций о почитании шраманов – адживиков или джайнов, а упомянутый выше *bhikṣu* не тождествен буддийскому *bhikkhu*. Возможно, и *thāira* («старцы»), встречающиеся в некоторых версиях эдиктов, больше похожи на буддийских монахов (палийское *thera*), чем на *vṛddha* («старейших») в литературе *smṛiti*. О «непричинении вреда живым существам» (*ahiṃsā*) Ашока повествует охотнее, чем это было принято в среде, где практиковались кровавые жертвоприношения – *yajñy*.

Но все же главное заключается отнюдь не в оттенках интерпретации отдельных терминов или правил. Значительно более важным представляется то, что отчетливо выражено в «наставлении домохозяину» из буддийской «Дигха-никаи». Религия, основным содержанием которой являлась формальная обрядность («почитание сторон света» в «Сигаловадасутте»), противопоставлена социальная мораль. Последняя сама осмысливается в качестве универсальной религии дхармы. Общечеловеческие нормы поведения уподобляются особому рода ритуалам, ведущим к достижению небесного блаженства – конечной цели любого вероучения. Меняются не столько сами нравственные ориентиры, сколько то место, которое они занимают в религиозном сознании. Поэтому и в текстах, изобилующих вполне традиционными понятиями (и специфически индийской терминологией наподобие *agrabhuḥ/agrabhūti*) можно разглядеть черты нового мировоззрения, новой эпохи.

В эдиктах Ашоки современные авторы склонны усматривать пропаганду определенной религии – буддизма. Несмотря на очевидную близость «наставлений о дхамме» с буддийской *gihivīṇaya*, мы не видим оснований для подобного утверждения. Провозглашаемая в надписях мораль – как свидетельствуют и приведенные выше ссылки на шастры и эпос – не сводится к какому-либо конкретному вероучению. Их действительное содержание может быть понято с учетом не только того, что сказано, но и того, кто именно говорит. По всей Джамбудвипе начертано было на камне: царь повелел почитать старших, заботиться о близких и быть милосердным к живым существам. А смысл этого послания, очевидно, читался так: Царь наш – царь дхармы, истинный владыка Вселенной, он – наш отец, наставник, Спаситель.

А.А. Вигасин

AGABHUTISUSŪSĀ IN THE XIII RE OF AŚOKA

A.A. Vigasin

The new interpretation of inscriptional *agabhūti* is proposed from *skr. agrabhukti* (= *agrabhuḥ*, the term denoting *brahmanas*). The word *bhūti* was misinterpreted as *skr. bhṛti* by the persons, which engraved the XIII RE in the North-Western India and as *bhūti* by those, who prepared the Greek version. So it is reasonable to think, that all the translations were made in the regions and not in the capital, the city of Pataliputra.

The author tries also to show, that Aśokan precepts were very traditional, – but the place these norms occupied in the religious system as a whole, changed radically. The social ethics became to be more important, than formal rituals of the past. The propagation of the «ethical religion» by the ruler gave him the status of the «king of dharma», i.e. «world-conqueror» (*cakravartin*).